

Табел
Сыонур

КОММУТЕД

ВБАМ

МІЗІАМ

3

Павел Смолин
Кондитер Ивана Грозного 3

«Автор»

2026

Смолин П.

Кондитер Ивана Грозного 3 / П. Смолин — «Автор», 2026

"Булочный король" подмосковного города N, пожилой миллиардер Петр Степанович Рябов пал жертвой современных технологий и очнулся в 1553 году. Вокруг - Средневековая Русь, на престоле - Иван Грозный, буквально на днях была взята Казань, где-то вдалеке маячит Смута, а наш герой, ныне - юный поваренок-грек Гелий, должен выжить и преуспеть в этих непростых условиях. Что ж, толковый человек везде найдет возможности, а средневековые русичи поди эклеры не хуже своих потомков трескать любят!

© Смолин П., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	14
Глава 4	17
Глава 5	21
Глава 6	26
Глава 7	31
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Павел Смолин

Кондитер Ивана Грозного 3

Глава 1

Случайность в истории человечества не раз и не два меняла расклады так, что никакому планированию не под силу. Влияют случайности и на сущности поменьше – например, на меня. И в прошлой жизни случайности подбрасывали проблем и возможностей (как повезет), и в этой ничего в этом смысле не изменилось.

Воспетые советской киноклассикой «царские палаты», положи руку на сердце, я бы с радостью обменял на хрущевочку о трех-четырёх комнатах. Только «апартаментную» часть, разумеется – в Палатах квартирует немало обслуживающих Царя и его государство должностных лиц, которые в хрущевочку не влезут.

Иван Васильевич оказал мне величайшую милость, лично решив провести для меня экскурсию. В том числе – по моему будущему рабочему месту. Я справедлив – узкие, темноватые коридоры, крохотные окна, низенькие дверные проемы (даже мне наклоняться приходилось, чего уж про здорового во всех смыслах Государя говорить?) попросту не могли выглядеть иначе: чем больше помещение, тем сложнее его обогреть в нашем трижды неблагоприятном климате. Тем не менее...

- Печи твои чудо как хороши, - хвалил меня Иван Васильевич. – Все в копоти было, гарь удушливая стояла, а теперь – гляди как светло да чисто стало!

Побелки на палаты не пожалели.

- И жару столько, что Государыня окошко запирать не велела, - продолжил он. – Сейчас с Астраханью разберемся, вернемся, и возьмусь за перестройку – с такими печками и просторнее палаты обогреть можно! Андрей Михайлович себе усадьбу перестроил уж, зело лепо. Самым первым перестроил, - улыбка, сопровождавшая последнюю фразу, для меня была совершенно непонятна, да и адресована Иваном Васильевичем себе же самому – какой-то важный вывод сделал.

Андрей Михайлович – князь Курбский. Воевода, один из виднейших бояр на Руси. Входит в «Избранную раду» - узкий круг государевых людей, с которыми Иван Васильевич регулярно совещается. Де-юре такого органа не существует, но де-факто именно он помогает Царю править Русью.

- Здесь – мое сокровище паче злата казанского! Афенарий мой, храм натурной философии. Ключник тайн сих и старший зелейник – мастер Мирон, князь Острожский, - остановившись у двери, Иван Васильевич дождался, пока стоящий здесь дружинник ее откроет и повел меня внутрь. – Данила рассказывал, ты в алхимии подкован?

- Очень слабо подкован, Государь, - честно ответил я, осматриваясь. – Вот Иван мой, в Коломне рожденный, в Италии учился – он да, в алхимии разбирается.

Убери «ал», и получишь суть этого помещения – актуальная времени химическая лаборатория. У меня в поместье по-иному она обустроена была, с прицелом на безопасность работников – то есть с большими окнами, великолепной вентиляцией и спрятанными за стеклами (ух и дорого!) огнями светильников. Ну а здесь...

С потолка свисали пучки трав, они же висели на части стен, десятки полок хранили на себе подписанные в основном на латыни кувшинчики, чашки, горшочки и редкие стеклянные бутылочки. Очаг здесь на печку не заменили – Иван с немцем в свое время немало спорить пытались по поводу «силы огня живого» и печкам противились, но потом смогли принять реальность и признать, что «огнем усмирненным» температуру контролировать легче.

Густой, тяжелый воздух пах горьковатым дымом трав, имел в себе сладкую нотку меда и воска, кислый привкус уксуса и брожения. И что-то еще – тревожащее, металлическое, вызывающее у меня желание сбежать отсюда как можно быстрее. Я помню этот едва уловимый запах, и помню дневной длительности ругать, которая стояла за ним. Свинец и ртуть – одни из самых часто применяемых в классической алхимии материалов. Ох, что ж я раньше об этом не подумал?! Спасибо тебе, случайность – теперь у меня есть возможность сохранить Ивану Васильевичу, его домочадцам и ближникам немного драгоценного здоровья. Если они, конечно, послушают.

Центральный очаг стандартный для алхимических лабораторий. Несколько топок, над одной, на цепях, висит алхимический атанор, этакая печка для медленной варки, над другой – перегонный куб из мутного, закопченного стекла и меди. Рядом, на кованых треножниках, стояли горшки из толстой глины и медные тазики для выпаривания.

Этим высоконаучным и высокотехнологичным (никакой иронии – в эти времена таким оно и является!) царством заведовал пяток бородатых, богато одетых, но испачканных всяким и частично опаленных бородами, волосами и одеждой мужиков глубоко за тридцать. Старший над ними одет побогаче, и возраст его близится к пятидесяти. При нашем появлении они побросали ступки, поварешки и ложки и поприветствовали Государя земными поклонами.

- Государь, я знаю – мужи сии мудры и опыты в алхимическом ремесле, но даже в лучших университетах Италии, Франции и других просвещенных стран не ведают о том, что свинец и ртуть – страшные для человека яды, - заявил я с чуть менее глубоким поклоном.

Алхимики меня не знали, но кого попало Царь бы к ним не привел, поэтому, справедливо убоявшись обвинений в умышленной потраве самых уважаемых людей страны, перепугались и бросились лицами в грязненький пол. Кроме старшего – у него в силу должности, опыта и уверенности в знаниях нервы оказались покрепче, и его глаза цвета темного янтаря смотрели на нас с Государем уважительно, внимательно, и без малейшей робости:

- Здравствуй, Государь, - поздоровался с начальником. – Светлейший гость из рода древних кесарей, - смог меня идентифицировать. – Добро пожаловать в нашу святыню Природы. В твоих глазах я вижу великий ум, присущий потомкам древнего могущественного рода, но твои слова о ядах... - он сделал паузу и укоризненно покачал головой. – Многие тысячи мудрейших мужей веками постигали тайны алхимии, и никто из них не счел ртуть и свинец ядами.

- Мастер Мирон учился у самых хитрых философов в латинских землях, - пугающе-мягко заметил Иван Васильевич, глядя мне в глаза.

Ничего, у меня есть козыри.

- Самые хитрые философы латинских земель и уважаемый мастер Мирон не смогли дать тебе Греческого огня, бумаги и прочего, Государь.

- Не смогли, - так же мягко подтвердил Царь, посмотрев в этот раз на алхимика.

Спины валяющихся на полу «лаборантов» задрожали, на виске Мирона дернулась жилка, но более ничем он не выказал своего волнения.

- Тайна Греческого огня открывается лишь потомкам кесарей, - быстренько нашел он удобное и логичное с точки зрения феодализма объяснение. – А тайна бумаги, да простит меня светлейший *гость*, открыта всем, кому предначертано связать с нею жизнь.

На «госте» алхимик сделал едва заметный акцент, как бы показав, что здесь – его хозяйство, а я – чужак. Закончив говорить о бумаге, Мирон решил направить размышления Государя куда ему надо, приблизившись к полке и сняв с нее кувшинчик. Открыв крушечку, он показал нам хранимую в кувшине ртуть:

- Ядом али лекарством станет то или иное определяется дозой и приготовлением, - вежливо, но с отчетливым самодовольством принялся читать лекцию. - *Solvens et coagulans!* – ввернул латынь для солидности. – Растворяющее и сгущающее! Ртуть – душа металлов, начало жидкое, летучее, мужское. В алхимическом браке с серой, началом горючим, женским, она

рождает киноварь. А в искусных руках, через возгонку и очистку, она теряет грубую ядовитость, открывая свою целительную суть. То, что убивает в одном обличье, в другом — животворит. Разве вино, потребленное без меры, не яд? А в меру — не лекарство для духа и крови?

Он поставил кувшин на полку, сделал пару шагов и взял с другой кусок свинца:

- Доктрина подобия, - многозначительно начал вторую часть. – Saturnus, свинец, металл холодный, свойством впитывания обладающий. Он притягивает к себе болезнь и заключает ее в твою тяжелую природу, не давая расползтись. Это – страж, стена каменная супротив хворей телесных.

Он вернул свинец на место и перебрался к шкафу с книгами:

- Мне неведомы глубины тех тайн, что открыты потомку великих кесарей, - вежливо кивнул мне. – Но в трудах Авиценны... - повел пальцами по корешкам книг. – Разеса, великого Парацельса и многих иных, предписываются сии металлы. Они – орудия Господа, данные нам, грешным, для врачевания. Отрицать их – значит отрицать вековую мудрость, скрепленную опытом поколений. Могут ли я дерзнуть и попросить светлейшего гостя открыть имена тех мудрецов, чьи труды были сочтены достойными для обучения потомка великих Палеологов?

Ивана Васильевича – да и меня, чего уж там – перформанс Мирона впечатлил. Реально качественный, владеющий искусством риторики, артистизмом и нешуточными знаниями специалист. Средневековый специалист. А еще в его голосе не было и капельки пренебрежения или желания меня оскорбить, лишь уверенность охраняющего свои святыни жреца.

Государь не спешил с выводами и смотрел на меня в ожидании дальнейших аргументов.

- Немец Альфред Шток пожертвовал собственной жизнью ради того, чтобы открыть людям вред ртути, - ответил я. – Отравившись ею, сей мудрец описал последствия отравления, но, к сожалению, слишком много уважаемых ученых мужей десятилетиями практиковали лечение ртутью, и посему сделали всё, чтобы жертва Альфреда Штока осталась безвестной, - посмотрел в глаза Ивану Васильевичу. – В словах мастера Мирона – мудрость алхимиков и великих целителей прошлого и настоящего, но постичь все установленные Господом нашим законы бытия способен только сам Господь. При всем величии Авиценны, Парацельса и прочих, они всего лишь люди, а значит могли ошибаться.

- Как и упомянутый тобой немец Альфред Шток, - заметил алхимик.

- Ты прав, мастер, - с улыбкой кивнул я в ответ. – Альфред Шток – человек, но плоды его изысканий легко проверить. В отличие от книжных мудростей, сама природа, повинувшись определенным для нее Господам законам, способна указать на людские ошибки. Словами истину установить здесь мы не сможем, Государь, - склонил я голову перед Иваном. – Прошу у тебя дозволения провести опыт.

- Какой же? – мелькнул любопытством в глазах Царь.

- Возьмем двух щенков из одной своры, равных по силе и бодрости братьев. Одного будем мазать мазью со ртутью по рецептам уважаемого мастера Мирона, другого – мазью той же, но безо ртути. И будем наблюдать, какой из щенков останется бодр, ясен оком, жрать будет с аппетитом, а какой зачахнет, будет дрожать и страдать желудочными хворями. Так же и со свинцом: возьмем двух иных равных по бодрости щенков, и одного будем кормить и поить из мисок свинцовых, да из емкостей же свинцовых воду для него и черпать, а второго кормить да поить тем же, но с дерева, глины, серебра либо иной посуды, главное – не свинцовой.

- Как грубо! – возмутился Мирон. – Как... как... Просто! – от возмущения не сразу подобрал нужное слово. – Щенки, мазь... - всплеснул руками. – Алхимия – тончайшее искусство приращений, символизма и веры в конечное очищение вещества! Душа металла...

Вся суть горе-ученых: авторитет затмевает глаза, ошибку признать сильно не хочется, и так по всему миру – очень много карьер какое-нибудь даже небольшое, но идущее вразрез с предыдущими наработками открытие рушит. Хорошо, что таких случаев к моим временам осталось не шибко много – колоссальные научные комплексы во всех заинтересованных в них

странах позволили худо-бедно минимизировать слепое следование доктрине, тупо создав большую конкуренцию среди научных кадров.

Терпеливо дослушав полный экспрессии монолог Мирона, я пожал плечами:

- Не по книгам, а по делам. В простоте правда, в очевидности – истина. Мастер Мирон – мудрый человек, но мудрость его книжная, многими книжными философами выработанная без желания посмотреть на брешную реальность.

- Не будет вреда от опыта сего, ежели щенку мазь ртутная на пользу пойдет, - вынес вердикт Государь, придавив алхимика взглядом. – Готовься гостей принимать, Мирон, приглядят, дабы мазь свою ртутную коей колени мои мажешь, ты сварил ту же, что и всегда.

Уверенный в своих знаниях и книгах алхимик полыхнул оскорбленной гордостью на лице и склонил голову:

- Будь по воле твоей, Государь!

Глава 2

Сидя на коне на вершине поросшего сосенками и дубками холма, я впитывал уже по-настоящему летнее, ласковое солнышко, вдыхал запахи напитавшейся жизнью природы, слушал птичий гвалт, треск ветвей, едва доносимый ветром шум со стороны ближайшего поля, на котором вкалывали крестьяне – мои крестьяне! – и при помощи ближников соотносил начерченный генеральный план будущего поместья с потенциалом небольшого городка с реальной местностью.

Яуза после весеннего половодья бурлила и пенилась на перекатах, сверкая на солнышке. А красота-то вокруг какая! Нравится мне моя новая вотчина: кажущиеся бесконечными леса, плодородные заливные луга (с наводнениями придется что-то придумывать, но пока подверженные им низины трогать не будет), крыши деревенских домов вдали, а над всей этой пасторалью пронзительно-синее, украшенное тонкими беленькими тучками, небо. Ляпота!

- Здесь, стало быть, усадебка встанет, - оценил я потенциал обнятой водой с трех сторон возвышенности, на которой мы находимся. – Штурмовать такое ох трудно будет!

- Самим Господом место припасено, - согласился архитектор Сергей.

- В этакое место на века строиться можно! – одобрил и ключник Клим.

Он же тронул коня, подойдя к самому обрыву и плюнул в Яузу:

- Вот он, корень всего – сила водяная! – проявил приобретенное за время работы у меня понимание важности водяного колеса. – Гляди, Гелий Далматович, как река в камень уперлась!

Мы с архитектором и особо любопытными дружинниками подъехали и посмотрели на крутой поворот реки, где вода с грохотом и пеной билась о вымытые из берега корни.

- Сила – ого-го! – покивал автор плана, собственно Сергей, который это все видел и «расчерчивал» будущее поместье.

Три дня в шалаше тут жил, всю местность они с Климом объехали, и я за такую скорость им благодарен – уезжаю скоро. Знаю, что и без меня в лучшем виде мужики все сделают, но страсть как хочется хотя бы вот так: посмотреть, пометчать, попланировать... Обожаю хозяйственную деятельность и терпеть не могу езду за тридевять земель, особенно с целью посмотреть как Государь Астрахань берёт, но выбора нет, остается лишь ловить момент, а потом, в походе, мыслями возвращаться сюда, на почти нетронутые покуда человеческим трудом земли, воображая их грандиозное преобразование в главный промышленный центр Святой Руси.

Радостно.

- Маловата струя в прошлом доме нашем была, - проявил Сергей корпоративную солидарность.

Или родоплеменную? Ай, не важно.

- А ныне колесо поставим не в пример прежнему – и на два десятка горнов силы хватит, да еще на пилы водяные останется! Токмо здесь вот, по течению выше... - Сергей указал рукой и пустился в рассуждения о плотинах, запрудах, рвах и каналах.

Здорово, когда человек свое дело всем сердцем любит – вон как глаза горят от новой, интереснейшей задачи.

- Сосна на стены рудовая, Гелий Далматович, - указал на лес Клим. – Ель на подволоки да тын. Остальное – на подсоб. В деревне поспрошал, с полсотни пилою да топорами добро владеющих людей наберется.

Я обернулся к сидящим на стареньких низеньких кобылках и держащимся от нас на почтительном отдалении старост моих деревень.

- Полсотни? – спросил чисто ради проформы.

Доверяй, но проверяй.

- Полсотни, боярин, - уважительно поклонился Лука.

Деревеньки я уже переименовал, присвоив временные названия – Верхние и Нижние Мытищи. Лука – староста Нижних. Он старше своего коллеги лет на пять, седой и тощий старик лет пятидесяти пяти со впалыми щеками и синевой под выцветшими от возраста, «цепко» глядящими на мир глазами, украшенными пышными седыми бровями.

Староста Верхних Мытищ – Федосей, рыжебородый, обладающий манерой говорить громко – шоб вся деревня слышала! – дородный мужичина с говорящими о веселом характере и улыбочности мимическими морщинками.

Луку «мир», сиречь односельчане, выбрали и уважают за юридическую грамотность, умение отмазать односельчан от избыточных повинностей – нередко крестьян к общественно значимым работам привлекают, мосты например строить – и серьезный подход к делу. У такого не забалуешь, и это добрых людей Нижних Мытищ радует. Федосея чисто по-человечески любят за харизму, и любовь сия не только среди крестьян место имеет быть, но и среди государевых людей, которые держат пригляд за районом. Там, где Лука за своих стоит при помощи занудных рассуждений и напора на знание правовых нюансов, Федосей берет напором, шутками и умением сунуть кому надо тушку-другую, сдобрив взятку бочонком доброго кваса. Результативность у обоих старост, несмотря на разницу характеров, одинаковая – обе деревеньки у Государевых бюрократов на хорошем счету: криминала почти нет, подати платятся в полной мере, от «общественной нагрузки» отмазываются строго в приемлемой мере.

Везет мне с кадрами – и в той жизни везло, и в этой.

Население деревень и эти старосты – не крепостные, а свободные землепашцы. Ничем мне в принципе кроме «тягла» - оброка или налога – не обязаны. Буду их сильно ущемлять – тупо уйдут, и сделать я с этим ничего не смогу: личная свобода пока что гарантирована государством. Но ущемлять я никого не стану. Будем договариваться, сплачиваться вокруг общей цели зажить как можно богаче и «тимбилдиться» при помощи праздников, которые я обязательно начну организовывать в свое время. Скоро сюда приедут мои старые работники и начнут рассказывать аборигенам всякое. Такое, что так сразу и не поверишь – разве бывает на земле такая сказка? Ничего, пара-тройка лет минует, и Нижние с Верхними Мытищи будет не узнать.

- Кирпичи с раствором да мастера на днях приедут, - обратился я к обоим старостам. – Хватит очагами топиться, потихоньку всем печки моего образца выстрою.

О печках новых знает, кажется, уже вся Русь, и подарку старосты обрадовались:

- Буди по воле твоей, боярин!

Попозже, когда закончим рекогносцировку, мы со старостами отдельно обсудим торговлишку – Нижние и Верхние Мытищи образовались в свое время не на пустом месте: здесь пролегает не шибко важный, но все ж торговый путь речного формата. Кое-кто разгружается прямо здесь, и дальше товары расходятся по многочисленным окружающим Москву деревенькам при помощи сухопутных караванов, а другие продолжают путь до самой столицы – для этого по волокам лодки перетаскивают с Яузы на Клязьму. Но это уже не на моих землях происходит – дальше, собственно в Мытищах, которые уже есть, и называются так от слова «мыта», то есть «пошлина». В проекте имеется полноценный судоходный канал, который придаст сему торговому пути новое дыхание и удешевит логистику, но это уже огромный инфраструктурный проект, который я не потяну в ближайшие три-четыре года минимум. Пускай пока как есть остается, нужно свои владения в порядок привести сначала.

Старостинское «буди по воле твоей» откликнулось флешбеком о том, как мы с алхимиком Мироном, самими Иваном Васильевичем и его псарями выбирали пригодных для опытов щенков и взрослых собак. Немножко спорили мы с Мироном, но чисто ради самого процесса – саботировать эксперимент алхимик не посмеет. Решив не ограничиваться двумя парами испытуемых, мы отобрали по восемь щенков для ртутной и свинцовой диет, а сверху восемь взрослых собак мужского пола и столько же беременных самок, находящихся на плюс-минус

одинаковых сроках. Каждый прием пищи и каждый собачий день подлежат подробному конспектированию, а мы таким образом получаем первый по-настоящему научный опыт на Руси с достаточной для выводов статистической выборкой. Особенно жалко еще не родившихся щенят, но прояснить влияние свинца и ртути на плод жизненно необходимо. Простите, пушистики.

Москву окутала праздничная атмосфера, и главным ее излучателем был сам Царь и Великий Князь Всея Руси Иван Васильевич. Соперничал с ним лично Митрополит Макарий. Редкая для этих времен и мест удача выпала им – наплодить маленьких Палеологов, возродив древний (пусть и обладающий спорной репутацией) и навечно вписанный в саму историю человечества род. Не только возродить, но и сделать его «базой» последний оплот истинной веры на земле – то есть Русь.

Ох и много женщин повидал я в прошлой жизни. Гораздо больше (а здесь это любое отличное от единицы число), чем положено женатому человеку, считающему себя христианином. Люди между собой не равны, не отличаясь этим от любых других живых существ на планете. Не равны между собой и женщины. С высоты своей профессиональной деформации я применяю для оценки окружающих параметр «качество». София Палеолог оказалась дамой безусловно качественной.

Высокая, почти с меня. Стройная, но без хрупкости – хрупкие тростиночки в эти времена выживают плохо. В осанке ее чувствовалась аристократическая статность и внутренняя сила, считывать которую совсем не мешали «смущенно» направленные в пол глаза. Высокие скулы, прямой нос, узкий подбородок, темная, оливково-бронзового цвета кожа – здесь, в Государевых палатах средневековой Руси, София выглядела живым осколком самой античности. Как и очень «греческий» я так-то, недаром окружающие умиляются – хорошо будем смотреться вместе. Мытищинский филиал Афин, блин.

Если поймать момент – а я его поймал – и заглянуть в глаза Софии в те моменты, когда она поднимает их от дубовых досок пола, можно увидеть не больно-то радующий меня факт: жизнь семейная моя обещает быть непростой. Что-то очень хищное в глазах цвета темного янтаря читается. Смирненное, упакованное в клетку, запертое на сто замков, но невозможное к изжитию. Ох и попортит супруга мне кровушки! Впрочем, оно и к лучшему – биоробот с функцией деторождения это конечно здорово, и загреми я сюда в пожилом теле я бы о таком и мечтал, но в нынешнем мне бурлят гормоны, и в таком браке я вижу вызов. Бить не стану, но и власти за пределами бабской половины усадьбы не дам!

Не один я такой умный – в бросаемых на меня Софией взглядах, коротких и почти незаметных, я разглядел то же самое, чем занимался сам: невеста меня оценивала по одной лишь ей ведомой шкале пригодности. Выводы, которые она сделала, покажет лишь время.

Дело было в тронном зале. Нарядный Государь сидел на своем рабочем месте. Рядышком, на троне поменьше, сидела Государыня, двадцатипятилетняя Анастасия Романовна из рода Захарьиных-Юрьевых. Наряд ее был пошит из вишневого парчи, украшен золотом и жемчугом по вороту и плечьям. На голове – высокий кокошник-сборник, укрытый тонкой кисейной фатой. Лицо рассмотреть фата не мешает – красавицей Анастасию не назвать, но от нее прямо веет кротостью, светом, добротой и почти неземным спокойствием. Понимаю, почему Иван Васильевич любит ее всей душой – лучшего противовеса его специфическим особенностям характера и не найти. Поговаривают, у Государя случаются приступы, купировать которые способна только Государыня. Местные термином «паническая атака» не владеют, но я ставлю именно такой диагноз – очень уж симптомы подходят. Впрочем, сам я сего не видел, а «поговаривают» на Руси ох много!

Взаимная оценка случилась в момент, когда по указке Государя невесту подвели ко мне, а до этого Иван Васильевич, явно наслаждаясь ролью свата, успел толкнуть речь:

- В жилах Гелия Далматовича течет кесарская кровь, и ум под стать! По всей Руси дымят трубы печей дивных, от молний злокозненных палаты наши громоотводы Гелиевы берегут, его трудами на Руси нынче своя бумага и книги свои печатные завелись! Пользу великую славный потомок Палеологов Руси принес, и принесет во стократ больше – сие мы, Государь всея Руси, помним и помнить будем!

Приятно, чо, вот только завистливые взгляды набившихся в тронный зал бояр и придворных мне совсем-совсем не нравятся. Как бы не удавили от ревности чистой – в фаворе у Государя ходить приятно, для личного благосостояния полезно, но вот для здоровья...

- Славен Гелий Далматович и делами ратными. Вдвоем с Данилою нашим, с полутора сотнями ратников, супротив всего войска Степного на стенах монастыря стояли, за Веру Православную и други своя! Крепко степняков побили! Не по годам отвагою да удалью юного Палеолога Господь наделил!

София – тоже продукт воспитания воинской аристократией, поэтому на этой части речи Государя заинтересованности в брошенном на меня взгляде стало больше. Печки, книжки – это все, конечно, хорошо, но что там с тестостероном и умением надавать врагу по рогам? Отлично все, не переживай – умею за своих глотки драть. А еще умею – и это на самом деле гораздо ценнее! – последовательно вкалывать во имя нашего общего процветания. Глотки-то рвать и пёс безродный умеет, а ты добавленную стоимость добыть попробуй...

- Женщина одинокая – что корабль без руля! – продолжил Иван Васильевич. – Крепнет царство наше, но нужны ему столпы! Не токмо старые роды боярские, кои меж собой грызутся, - Государь окинул взглядом старательно делающих вид, что сказанное к ним не относится, бояр. – Но и род иной, кровью с нами повязанный. Палеологи – плоть от плоти самой Веры нашей. От самой великой Ромеи семья! Семья, которому здесь, на Руси, последнем оплоте Веры Истинной, суждено корни крепкие пустить да вырасти не в дуб, но в целую дубраву!

А вот за такое противопоставление меня другим боярам я Государю совсем-совсем не благодарен. Как бы не любил и не ценил меня Иван Васильевич, но я для него – фигура на огромной игровой доске со сложными правилами. Ежели фигура есть, значит нужно ее «играть» многоопытной рукой так, как Государю нужно.

- Господь великую милость оказал нам, послав на Русь Гелия Далматовича! Милость и знак – истинно говорю вам: первый Рим пал, второй – под игом магометанским, третий – Русь Святая, а четвертому не бывать!

Слова Ивана Васильевича вызвали у бояр прилив великодержавного воодушевления. Ну приятно себя наследником Рима чувствовать, и неудивительно, что еретики западные так сильно нас не любят – хотелось бы им столько же прав на Римское наследие иметь, да нос не дорос! Не знаю, дошли ли они там в эти времена до правила «чья власть, того и вера», но де-факто этот форменный сатанизм уже имеет место быть.

- Великая радость на сердце моем, - поделился чувствами Государь. – Сегодня я сват и посаженный отец Софии!

«Посаженный отец» в чисто светском понимании – на пиру там посидеть, приданное выдать, но во время ритуально-храмовой части в Православии никакого «посаженого отца» не подразумевается. Играется Государь в новые фигурки, радуется как дитё. Да он с высоты моего совокупного срока жизни дитё и есть – двадцать четыре года Государю, в мои времена по категории «зумер» бы проходил, даром что взростеют в эти времена несоизмеримо быстрее: биологию-то не обманешь.

- Приданное за невестой достойное Палеологов! Землица добрая с лесами, лугами, рекою да людишками на северо-восток от Столицы нашей. Сотня людишек мастеровых, камнем, деревом, металлом и кожею промышляющих. Восемь пудов серебра. Сотня стрельцов моих, дабы

хозяйство и людей сбережь супротив врагов лютых. Десять пушек из Наряда моего с людишками да припасом огневым. И место в Думе для тебя, как для князя утвержденного.

Титул мне положен по праву рождения, должность, надеюсь, чисто формальная, земля уже получена, стрельцов мне придется кормить, восемь пудов серебра сдам в банк и буду пользоваться «безналом», пушки получу после того, как на Астрахань сходим – они там войску понадобятся. Стрельцы тож сейчас на Астрахань идут, и хорошо – припасов у нас только для своих заготовлено. Хорошо, что деньги есть и Москва под боком, купим чего надо. Ну а за сотню мастеровых людишек низкий поклон – эта часть приданного особенно ценна, и Государь ее не зря мне даровал: знает, что для меня действительно важно.

- Достойное ли приданное, Гелий Далматович? Не обидел ли я тебя? – попросил Иван Васильевич обратную связь.

Склонив голову, я торжественно, в тон Ивану Васильевичу и столь же громко ответил:

- Честь великая и доверие, Государь. Жизнь моя Руси принадлежит. И умения мои – тоже. Воля твоя – закон, как и для всех подданных твоих.

- Благо! – возвестил Иван Васильевич, порадовавшись моему ответу. – Совершим же чин по уставу, батюшка! – повернулся к Митрополиту. – И да пустит новая славная ветвь корни в Третьем Риме! Идемте же в храм, братья!

Поглазеть на церемонию, казалось, сбежалась вся Москва. Точнее – все, кто смог пробиться к Успенскому собору. Церемония Венчания была длинной, и «рулил» ею лично Макарий, что великая честь. Ритуал я соблюдал добросовестно, но от скуки и нетерпения позволил себе немного неслышимой отсебятины – ведя Софию за руку вокруг аналая, я спросил:

- Читать-считать умеешь?

- Умею, господин, - тихонько шепнула она, а в глазах ее мелькнула оскорбленная гордость.

Не крестьянка же, а аристократка высокоуровневая, такая грамоты и счета не знать попросту не может.

- Добро, помогать хозяйство вести будешь, - одобрил я. – Ключник мой, Клиим, умница большой, но не родня он нам.

- Буди по воле твоей, господин, - сыграла София в скромняшку еще разок.

А руку-то мою крепко держит. Именно «держит», не «цепляется» и не «позволяет себя держать». Для нее, продукта средневековых времен, венчание значит больше меня – сейчас мы с ней заключаем договор, причем не на Земле, а на самих Небесах.

По завершении ритуала Государь благословил нас в прагматичном ключе:

- Одна судьба и одна служба у вас теперь – Руси Святой.

После него благословила и Государыня, как бы отработав душевно-чувственную компоненту:

- Храни вас Господь и Пресвятая Богородица. Живите в любви и согласии, как чада церкви Православной. Берегите друг друга.

Оба благословения вместе прозвучали удивительно гармонично, и я с удивлением понял, что моя душа на них отзывается благодарностью и радостью – как-то забыл о таких важных в свадебный день чувствах из-за средневековой специфики и мыслей о том, что теперь я окончательно из стороннего благодетеля превратился в полноценную фигуру внутри сложной системы, сложившейся при дворе Государя.

Тревожно.

Глава 3

Полторы недели в Москве срок в общем-то небольшой, но я успел сделать все, что планировал, и даже больше. Недоволен – хотел больше и лучше, но воля Государева от стихийного бедствия не отличается: учитываем это в планах как «обстоятельства непреодолимой силы» и делаем то, что можем и успеваем.

Немного расстраивает меня и то, что главным событием этих дней были вовсе не мои аккуратно спланированные дела (свадьба в их числе), а случайное вмешательство в актуальную времени медицину. «Ртутная» группа собак к нашему отъезду умереть не успела, но выглядела настолько ужасно и очевидно-болезненно на контрасте с сородичами, что Государь недогнувшей рукой отправил Мирона с его подчиненными на позорную пенсию с диагнозом «тупоумие» со временной их заменой врачами помоложе и повнимательнее, а следом запретил к чертовой бабушке использование ртути на Руси наглухо. Здесь я был вынужден вмешаться и попросить разрешить ртуть для научных и военных занятий. Приписка о том, что пары ртути смертельно вредны и при научно-военных занятиях ею нельзя дышать сверх необходимого, а «необходимое» – только через толстую, мокрую тряпицу, в наличии. На долгой дистанции одно это спасет десятки, если не сотни, тысяч жизней и сбережет немерено лет здоровья.

Седло тихонько поскрипывало, лошадка привычно и размеренно шагала по дороге. Поначалу из-за неумения ездить верхом я натирал себе задницу, у меня ныла спина – и это в молодости-то! – сотрясались внутренние органы, а теперь – ничего, привык к многочасовым поездкам: главное не забывать переносить часть нагрузки на стремяна, не давая организму «растрясаться». Привык, но все равно предпочел бы телегу с толстым слоем соломы, а еще лучше – карету на рессорах и с мягкими сиденьями, но это мне еще предстоит однажды изобрести: нынешние «тарантасы» своих пассажиров трясут похлеще лошадки.

Великой милости в путешествии до Астрахани я удостоился – среди ближников Государевых чуть позади него ехать. Рядом – Данила и второй мой дядюшка, Никита. Почти ровесник – двадцать два года ему. Брат Данилы и Государыни. Должность его зовется на слух пришельца из будущего потешно – «рында», то бишь начальник Царской охраны. Ох и крепкие позиции Захарьины-Юрьевы при Дворе нынче занимают, от самой опочивальни царской начиная – там Анастасия Романовна трудится.

На этом моменте мысли естественным образом переместились на опочивальню собственную. Точнее – гостевой терем на дворе Захарьиных-Юрьевых. Консумация брака та еще была – под дверью собралось два десятка подвыпивших мужиков во главе с самим Иваном Васильевичем, которые, даром что изо всех сил и добросовестно старались не нарушать гоголом торжественности момента, шумовой фон создавали весьма раздражающий и от романтики далекий.

Но абстрагироваться получилось. Часок – на рассуждения о том, какая София красивая, какой острый ум в ее глазах я вижу и как я рад обрести такую хорошую жену. Поначалу супруга удивлялась – не ожидала – но быстро расслабилась и стала получать удовольствие. Еще полчасика – на поглаживания, объятия и поцелуи. Дальше, неустановленное время, на собственно консумацию. Ну а потом, до самого рассвета и сна – разговоры о будущем и сильно поразившее Софию копание в бумагах, в ходе которых выяснилось, что супруга моя «дебет с кредитом» сводить вполне себе умеет. Как минимум, чисто математически.

Тут уж не угадаешь, запарол я первое впечатление или наоборот, но я хотя бы не строил из себя хрен пойми что и не притворялся кем-то другим. Вот с таким человеком тебе жить придется, дорогая, держи «вертикальный срез», надеюсь – зачатие, и переваривай да вынашивай это все пока супруг помогает Государю брату Астрахань.

То еще начало семейной жизни! С другой стороны, может так оно и лучше – ну какая романтика может быть когда знакомы меньше дня, вас свели как породистых собак для случки,

а за плечами невесты – жизнь со степным ханом, рождение ребенка и потеря супруга в битве за Казань? Потом были месяцы ожидания своей судьбы, и вот появляюсь я. Ух, даже думать обо всем этом не хочу! В главном – в отсутствии ножа в спине от супруги и ее честности в делах – я уверен, а остальное в этом мире далеко вторично. И я совершенно уверен, что по возвращении, если жена забеременеет, в ней будет расти именно мой наследник – само бытие в эти времена не подразумевает измен среди высшей аристократии: со всех сторон люди добрые приглядывают, причем в обе стороны.

- Песню за-певай! – раздался приказ командира сопровождающего нас оркестра.

Трубы грянули бодрый мотив, барабаны застучали, и обладающий шикарным баритоном запевала начал:

- Зеленою весной Под старую сосной...

«Пробой в Матрице» был бы полным, ежели бы с нами путешествовала вооруженная бердышами и одетая в красное пехота, но нет – мы здесь все на лошадках и телегах, не шибко многочисленная пехота ушла вперед, на Астрахань. Всем ушедшим контингентом командует князь Андрей Курбский, который из-за этого пропустил мою свадьбу. Обижаюсь? Ну конечно же нет, а вот князь, полагаю, расстроен – упустил такую важную штуку как «свадебный пир», а значит кто-то в какой-то пусть и мелкой «комбинации», но его опередил. Или это я зазнался? Точно зазнался – на фоне почета от руководства операцией по взятию Астрахани моя скромная персона вообще незаметна.

- Ма-ру-ся... - вывел могучий, густой бас.

- Молчит и слезы льет! – с удовольствием пропели мы все во главе с самим Государем.

- От грусти-и-и... - «козлик» протянул тенор.

- Болит душа ее!

Ну не удержался я! А кто бы на моем месте удержался и не подошел с текстом сначала к Даниле с Никитой, потом, с их одобрением, к оркестрантам. Аранжировка отличается, но мотивчик сохранен – я не музыкант, и даже не представляю, насколько сейчас музыкальная теория отличается от моих времен, но напеть смог. Оркестр быстренько порепетировал, и уже в пути продемонстрировал результат Ивану Васильевичу сотоварищи. Итог – вот он, двенадцатый раз за сегодня поем, а вчера, в первый день путешествия, спели раз тридцать подряд.

- Чего смурной такой, Гелий Далматович? – подколот меня Никита, когда песня закончилась. – Горько поди от жены сразу опосля свадьбы уезжать?

Ближний Государев круг ничем от любого другого мужского коллектива не отличается кроме необходимости соблюдать формальную вежливость во время многочисленных подколов. Исключение – Иван Васильевич, над ним стебаться может только самоубийца, а таких среди нас нет. Больше всего, понятное дело, достается нашему почетному пленнику Девлет Гирею, которого Государь таскает за собой как дрессированную обезьянку.

Очень изощренное наказание – хан рожден «небожителем», а теперь каждую секунду своего существования ощущает ущемление эго. Даже пытки были бы не столь эффективны – от них наказуемый быстро заканчивается, а Девлет Гирею в таком режиме предстоит прожить еще много лет, все время при этом находясь в тени опасности надоесть Ивану Васильевичу и присесть на кол.

- Ох и горько! – утрированно вздохнул я. – Но знаешь как говорят, Никита Романович – «любишь медок, люби и холодок».

Подыгрываю, отшучиваюсь, встраиваюсь, не гнушаюсь в рамках дозволенного стебаться в ответ, фонтанирую поговорками, стихами и уместными в этом времени анекдотами, и от всего этого медленно, но верно становлюсь душой компании. Позиция приятная, чреватая выгодой, но и опасностями – любимчиков начальства вне зависимости от возраста окружения мало кто любит, а именно как к любимчику Государь ко мне и относится. Заслуженным государственным деятелям оно обидно вдвойне – они системно пахали много лет, демонстриро-

вали лояльность, без дураков жертвовали жизнью и здоровьем во время военных кампаний, а я в их глазах – выскочка, который сделал что? Печку? В глазах воинской аристократии это приравнивается к большому, зияющему «нулю».

В целом путешествие мне нравится – смотрим на красоты природы, в населенных пунктах и попросту на тракте все встречные уважительно нам кланяются, вкусно кушаем на привалах (к котелку я сам не суюсь, но рецептики и указания штатным поварам выдал, даже в походных условиях кухню разнообразить и улучшить можно), а компания, если забыть о том, что в случае оплошности меня сожрут и не подавятся, очень даже приятная: мужики умные, харизматичные, с циничным чувством юмора, и я знаю, что в случае нужды я могу без раздумий встать спиной к спине с каждым из них супротив врагов лютых. Разборки промеж себя за влияние и расположение Государя – это все после того, как враги будут повержены. Не знаю, как другие видные люди страны, а конкретно эти понимают правильность тезиса «лучше есть торт вместе, чем дерьмо по одиночке». Полагаю, за то и держит их при себе Иван Васильевич – редкое это сочетание, когда ум, дельность и лояльность в одного человека сложены. Но даже эти не без нюансов – Данила мне чисто по-родственному (или ради подключения к собственным интригам) шепнул, что влияние некоторых членов Избранной рады ослабевает.

Параноиком в таких условиях стать легко, но я выбрал для себя стратегию поведения. Если коротко – в любой непонятной ситуации бежать сначала к Даниле, затем – к Государю, не забыв доложить последнему о том, что мне поведал Данила. Это сейчас, а в будущем, когда немного «поднимусь» в дворовой иерархии, бегать сразу к Ивану Васильевичу стану – мало ли чего он надумать себе может от того, что я сначала с Захарьиными-Юрьевыми совещаюсь.

Ночевали мы в чистом поле, в формате небольшого полевого лагеря - не везде крепостицы, ночлежки-трактиры и тем более путевые дворцы есть. Так-то мы легко могли бы разместиться как минимум элитной частью мини-войска в ближайшей деревеньке, но, прости-Господи, шатер в плане комфорта и приятности несоизмеримо лучше дома даже самого крепкого крестьянина с окраин «хартланда».

Пламя костра отражалось в глазах спутников, бурдюк с разбавленным до почти полной потери градуса вином ходил по кругу. Ночной воздух пах кострами, вокруг кипел жизнью полевой лагерь. Полог шатра над головой спасал от дождя, чистая сухая одежда после промокшей и от этого натирающей даровала телу чувство уюта, а я продолжал укреплять свой авторитет классическими произведениями из будущего:

- ...Тот же лес, тот же воздух и та же вода... Только – он не вернулся из боя...

Всем нам приходилось терять близких, и мой тихий голос проникал прямо в сердца. Средневековым русичам в этом плане полегче, чем мне – их Вера абсолютна, и такого уровня восприятия бытия мне при всем желании не достичь, но тоска по тем, кого уже не вернуть не лечится никакими молитвами и убеждениями. Время рубцует старые раны, выцветают в памяти лица и голоса, зарастают травой могилы, но боль от потери целиком не проходит никогда.

Четверостишие с "оставь покурить" пришлось с жалостью выкинуть, но влезать в стихотворение со своими корявыми попыткам адаптировать под современную реальность мне было жаль еще больше.

- Все теперь - одному, только кажется мне - Это я не вернулся из боя.

В окутавшей шатер тишине громкий треск полена казался пушечным выстрелом, и загипнотизированные беспрецедентной силы, такими простыми и понятными самой душой стихами мужики вздрогнули и сморгнули выступившие слезы.

Спасибо, Владимир Семенович.

Глава 4

Работа – моя, моего «конструкторского бюро» и наших коллег из КБ, которое успел сформировать Царь, всего тридцать два человека включая меня – продолжалась всю дорогу, а в отрыве от меня и того дольше. Когда технология освоена, ее автор уже не обязателен, но я все равно считал себя обязанным присмотреть. К тому же это неплохой способ под благородным предлогом свалить от «мобильного штаба» с его верховным главнокомандующим и перевести дух в компании людей попроще. К Астрахани мы прибыли к исходу июня и с солидными запасами высокотехнологичного оружия массового поражения.

Крайнюю неделю пути мы ежедневно пополнялись разездами и тыловыми частями русского воинства, которое уже до Астрахани доползло и тупо взяла ее в осаду, не пытаясь выдвигать требований – Государя ждут и треплют нервы защитникам. Я бы на месте последних тупо сдался, потому что вешать горожан никому нафиг не нужно, а ждать помощи от Степи бессмысленно – минимум в ближайший год собрать хоть сколько-нибудь способный противостоять нам контингент у татарвы не выйдет. Последние дни пути шла бесконечная возня в районе лошадки с едущим на ней Иваном Михайловичем Висковатым. Глава Посольского приказа – Министр Иностранных дел – принимал незнакомых мне степняков, подолгу говорил с ними, а после отправлял обратно вглубь степей. Дипломатия работает, а общаться с самим Царем у посланников раскосых нос не дорос.

Судя по тому, с какими злобными рожами татарва покидала главу Посольского приказа, как остервенело прищипывала лошадей и орала на спутников на непонятном мне языке, никаких хороших новостей у Ивана Михайловича для них не имелось.

Эмпирические наблюдения это прекрасно, но они плотно завязаны на личные качества наблюдателя, поэтому я не постеснялся поспрашивать у родни:

- Такого нарушения договоренностей Государь степнякам не спустит, - проконсультировал меня Никита Романович. – Доверия к ним и без того не шибко много было, а теперича с ними и разговаривать никто не станет. Ключик к городам и крепостям у нас есть, - он кивнул в сторону нашего обоза, часть телег в котором была заставлена бочонками, кувшинами и горшками с горючей смесью обоих видов.

И средства доставки в виде «фонариков» и небольших катапульти есть – последних недель очень просто, учитывая богатый опыт человечества в их использовании.

- Взять – мало, нужно еще удержать, - заметил я.

- Нужно, - согласился Никита. – Это сейчас с ханскими посланцами говорить Государь не станет, а опосля, когда огнем и мечом по степи пройдемся так, что навсегда сие степняки запомнят, и не угрожать да торг вести через посланцев станут, а о пощаде молить – тогда да, можно будет наместником самого напуганного усадить. Напуганного так, чтоб воинства русского боялся более магометанских да польских – тогда за Каспий можно будет быть спокойным хотя бы до конца семи скудных лет, - улыбнулся и подмигнул мне, продемонстрировав имеющийся у себя доступ к моим «пророчествам».

Полагаю, знает как минимум вся Избранная рада, а как максимум – вся Русь.

В общем поход наш нынешний не только завоевательный, но еще и карательный. Не знаю, повлияли ли на это мои переданные через Данилу и лично повторенные Ивану Васильевичу слова о том, что разговаривать с кочевниками бессмысленно, а понимают они только силу, но то, что попытка Девлет Гирея взять штурмом Православный монастырь и убить меня нафиг Государя и защитника Веры Православной выбесила до крайней степени – это факт.

Округа Астрахани меня поразила не только более теплым и несоизмеримо более влажным по сравнению с Центральной Русью воздухом – это как раз ожидаемо – но и обилием шатров, навесов, шалашей, телег, лошадей и людей. Вонючка стоит такая, что хоть ножом режь

да на хлеб мажь! Вот вроде привык здесь жить, а «планка» вони все равно регулярно поднимается выше. И это притом, что отхожих ям накопили на изрядном удалении от мест ночевки, а рядом – Волга, загадить которую можно только развитым промышленным комплексом. Зато каналы, ручейки да речушки окрестные загадить успели на зависть Центральной Руси.

При нашем приближении лагерь ожидаемо встал на уши и окутался ликованием. Из центра его – не геометрического, а по статусу и важности, станцией воеводы зовется – расположенного на возвышенности в дельте протоки на недостижимом для пушек расстоянии (это вообще общее место лагеря, мы ж не степняки, мы про опасность артиллерии знаем), нам навстречу выдвинулась делегация во главе с «избранником» Курбским и стрелецким головой, Иваном Черемисиновым.

Большая радость от встречи быстро перетекла в деловое русло, и Иван Семенович принялся докладывать то, что нам уже успели поведать ранее встреченные разъезды:

- Отсель до Мачьяки дошли, Государь, стрельцов да казаков расставили, Нагайцев наглых банды мелкие шугать. По воле твоей суда Астраханские посекали и пожгли.

Меня немного придушила жаба – надо было брать, а не «сечь да жечь», но Иван Васильевич посчитал подрыв «морской» компоненты экономической базы Астрахани полезнее: не пришел и отобрал получается, а пришел и преподавал жестокий урок за вероломство. Но я бы все равно лучше руки наложил – рыбка Каспийская по всей руси в бочонках засоленная да вяленая расходится, а торговые пути через Каспий по Волге и вовсе золотая жила.

- Добрó, - принял доклад Иван Васильевич и изъявил желание осмотреть лагерь.

Мы прибыли сюда в районе обеда, а когда осмотр закончился, солнышко уже клонилось к горизонту. Контингент можно условно поделить на три большие категории – стрельцы, казаки (многие лицами и цветом кожи от степняков ну в упор не отличались, потому что представители лояльных Государю тюркских народов) и дворянская конница. Организованнее, опрятнее и «геометричнее» выглядели стоянки стрельцов – это же регулярные войска со всеми причитающимися. Стоянки казаков на их фоне казались оплотами хаоса и лихого пренебрежения к организованности. Дворянские стоянки сильно отличались, от кривеньких шалашей с потертым котелком у помещиков победнее до шикарных шатров у тех, кто побогаче. Пестро войско русское в эти времена, но силищу собой представляет великую!

В отсутствие масштабной угрозы из вне лагерь укрепили слабо – в основном «гуляй-городами» из телег и вкопанными в землю кольями. Три вышеперечисленные категории «юнитов» во многих местах перемешивались, потому что лагерь на уровне регламента делится по «полкам» - вот они стоят отдельно друг от дружке. В центре, на возвышенности – станция воеводы с огромным развивающимся стягом Спаса. Там же стоят трубачи – зовутся «полковыми», нужны чтобы подавать сигналы. Рядом с центром – Большой полк, спереди – Передовой полк, подальше, спереди и сзади – полки Сторожевые. Отдельно – разъезжий станец, для лошадок поместной конницы. На позволяющих это водоемах рядом с лагерем организовали пристани для речных стругов – на них возят львиную долю припасов, и многие струги уже успели уйти на второй рейс и даже третий рейс. Большая часть стрельцов, кстати, пришла не пешком, а на стругах и приехала – даром что пехота!

Слетающиеся к воеводам и Государю отчеты о санитарных потерях я пропускал мимо ушей – там, где собираются десятки тысяч человек, и в мои-то времена болезни и гибель были не редкостью, а в эти они подразумеваются по умолчанию. Поводов грустить у меня и без павших от «боевого поноса» незнакомцев хватает.

Зато там, где звучали цифры не связанные с людскими смертями, я держал ушки на макушке, запоминая стоимость товаров, объемы расходуемой таким вот войском провизии и обращал внимание на бытовые трудности. Мне, слава Богу, командовать такими исполинскими механизмами не придется, но всё, что может быть полезным в другие моменты, я запомню.

Было интересно посмотреть и на питание – где-то в этот момент я по-настоящему осознал, НАСКОЛЬКО вкуснее живется мне и моим людям по сравнению с менее удачливыми соотечественниками. Основа здешней кухни – сухари и овсяная с гречневой крупы. Активно потребляется толокно, кто побогаче и позапасливее сдобривает это солониной. Конкретно здесь и сейчас дела получше – рядом Волга и Каспий, поэтому рыбка лакомятся все.

Обычно готовят и питаются «артелью», группой людей в 10-15 человек. Никто не голодает, но многие маются животом – пить кипяченую воду, квас, пиво и прочую отличную от ближайшего загаженного ручейка влагу все вроде бы приучены, но всегда найдутся те, кто «авось пронесет». Пронесит, собственно. Порой, как говорят здесь, до уровня «всего себя в яму срамную излил».

Когда мы осматривали пристань, Иван Васильевич поделился с нами мудростью:

- Реки – вот главное богатство Руси! Белое море далеко, плыть по нему опасно, и товары по ледяным пустошам возить тяжело. Покуда не покорили мы Юг до самого моря Черного, одними лишь сушей да реками торговлишка прирастает. Каспий... - Иван Васильевич приложил ко лбу ладонь козырьком и посмотрел на Юг – туда, где великая Волга соединялась с Каспийским морем – и продолжил. – Каспий – ключ к великим торговым путям нашего мира. Там, за его водами, Персия с ее шелком, коврами с драгоценными и дивными узорами, булатная сталь... - Государь убрал «kozyрек» и указал рукой восточнее. – Земли Тарковского шамхальства и других горцев. Силы их невелики, но сами горы великая им подмога. За горами теми – Шелковый путь. Великая тропа, что связывает мир от далеких восточных земель с желтокожими раскосыми людьми до самого западного края. Ныне в руках Порты он, - Государь посмурнел и пугающе-многозначительно посмотрел на меня. – Злейшего врага нашего. Любимая собака султана – хан Крымский, другой враг наш. До этого добраться нам проще будет, - ухмыльнулся и вновь повернулся к Каспию, взяв западнее. – Берег западный. Там – осколки Орды догнивают. Астрахань, - шевельнул рукой в сторону города за нашими спинами. – Жалкий торгаш, растерявший то небольшое величие, что у него было. Живет лишь мытом со стругов наших, набивая свою казну и разоряя нашу. Жил, - исправился со зловещим смешком. – За ним – ханство Ногайское, ослабевшее Девлеткиными трудами, да хребет его не переломлен покуда. Если Астрахань – ключ к замку-Каспию, то степняки – колья острые. Покуда сильны они, путь по Волге – не мир и процветание, а смерть да убыток.

Повернувшись к нам, Иван Васильевич отразил глазами солнечный луч и с широкой улыбкой озвучил вывод:

- Каспий – не путь из варяг в греки, но из Руси – в Хорасан и Хиву, в Персию и Индию, в Бухару с ее караванами и землям Китайского царства.

В чем Ивану Грозному не откажешь, так это в амбициях. Совершенно здоровых на мой взгляд – я же русский, и мне приятно видеть на троне реально старающегося человека. Не потому Государь вертикаль власти крепит да воевать с соседями регулярно ходит, что жадный, злой и вообще диктатор, а потому что вверенной ему Господом и предками-Рюриковичами державе для развития и хоть какого-то процветания при настолько специфическом климате кровь из носу нужны торговые пути. Помнит Царь, что зародилась Русь благодаря «крышеванию» пути «из варяг в греки», и понимает, что для нее действительно важно.

После «круиза» по лагерю с одним перерывом на перекусить мы осели в центре, и я только было собрался сходить покомпостировать мозги поварам, как ко мне подкатил мой дружинник Дмитрий:

- Купец до тебя просится, Гелий Далматович. Сказывает – еще в начале осени ты его в Бухару отправлял с наказом товаров редких привезти.

Мне хватило опыта не хвататься за голову с воплем «забыл!», вместо этого поблагодарив Дмитрия и попросив Клима выдать мне ежедневник за прошлогоднюю осень. Полистав сентябрь, я нашел нужную запись – купец Филимон получил столько-то оборотных средств на

сходить до Бухары. Его мне порекомендовал мой «торговый представитель», ключевым фактором послужил опыт Филимона – он до Бухары караваном через жаркие пески до меня ходил трижды, каждый раз очень выгодно преумножая капитал. Моя инвестиция по мнению Филимона должна была стать его путевкой к реально большим деньгам, и, раз он нашел меня здесь, под Астраханью, стало быть вернулся живым, невредимым, и, что гораздо важнее – с нужными мне товарами.

- Привез, Гелий Далматович! – радостно проорал мне издали человек, чье обветренное и загорелое лицо я уже и позабыл. – Все, что наказал, привез! Только... - он осекся, вспомнил о приличиях, шагнул поближе к перегородившим ему дорогу стрельцам из охраны «центра» и отвесил мне земной поклон. – Здравствуй, Гелий Далматович!

- И ты здравствуй, Филимон, - поприветствовал я его в ответ, и стрельцы расступились, позволив купцу пройти. – Только? – напомнил я.

- Только струги наши далее не пуцают! – возмущенно поделился обидой Филимон, тряся бородой. – Ежели бы не грамотка твоя, и вовсе бы посекали да сожгли, а так токмо зубы на пряности индийские точат! Помоги, Гелий Далматович!

Хорошо, что Государь меня с собой взял – бес его знает, не раздербанили ли бы мое добро под шумок.

- Сейчас решим.

Глава 5

Два струга с закупленными Филимоном «на свои» специями Государь выкупил у него по хорошей цене, при этом оказав купцу великую милость в виде разговора, во время которого Царь в основном расспрашивал о Бухаре и трудностях пути, который пришлось проделать Филимоновым людям.

- Каспий – не реки твои, Государь. Он – злой и непокорный. Неведомо откуда берутся да волком налетают на паруса могучие ветры. Волны, словно бараны на водопое, друг о дружку с таким грохотом бьются, что в ушах звенит. Но путь по Каспию до Гюлистана, слободы торговой у устья Яика, словно горка зимняя, с коей детвора катается в сравнении с тем, что ждало нас дальше. Каракумы – земля, лишённая воды Господом. Всюду, куда хватает глаз, пески безжизненные. Лошадям там не место – это царство «кораблей пустыни», верблюдов.

Отвлекаться на описание верблюдов купец не стал – зверюшки сии даже в лагере нашем есть, потому что в этих местах вполне известны и используются.

- Путь по Каракумам – путь от колодца к колодцу, от оазиса к оазису. Без проводника, коему вся эта дорога крепко известна, переход через Каракумы верная смерть. Да и та влага, что есть, только там, в сухой и раскаленной пустоте, влагою счесть и можно: вода в колодцах мутна, грязна, тепла и солена. Столько овец и верблюдов кочевников их них пили, что от запаха шерсти овечьей воду уж и не очистить. Но больше всего в первое мое путешествие через Каракумы меня удивила ночь. Сколь жарким не был бы день, каждая ночь превращает Каракумы в зиму. Холод пробирает до костей, и приходится укутываться в тряпье со шкурами и жаться к верблюдам, греясь их шерстью и дыханием. А тишина... - Филимон прикрыл глаза. – Тишина стоит такая, что слышно как трещит остывающий песок.

Рассказал и Бухаре, вызвав даже у повидавшего немало стран в прошлой жизни меня мечтательную дымку в глазах:

- Всем, кто пересекает Каракумы, мнится, что жгучие дни, ледяные ночи и безжизненные пески никогда не закончатся. Пустыня коварна, и любит показывать путешественникам картины райских садов, морей и рек. Кажется, что до них рукою подать, но на самом деле это лишь отражения мест во многих днях пути. Населяющие те земли кочевники-магометане говорят, что это – проделки джиннов, по-нашему – бесов.

- Неправы, - влез я. – Сие явление называется «мираж». Воздух вокруг нас, - я обвел руками шатер. – Не всюду одинаковый. Он – словно слоеный пирог, каждый слой которого обладает своею плотностью. Свет же, - указал на висящее над горизонтом солнышко. – Подобно воде стремится сначала туда, где не встречает преград. Воздух у земли в жаркий день раскален и не плотен, а сверху над ним – слои холоднее и плотнее, - взяв лежащее на столе перо, я окунул его в чернила и изобразил на листе бумаги простенькую схему. – Свет где-то там, может быть даже в десятке верст, сверху, с небес, падает, например, на лужу... - нарисовал. – Из-за того, что воздух внизу горяч и рыхл, далее свет изгибается и летит над землею, неся с собою запечатленные в себе образы – их и видит путешественник. Сие заметили еще древние Ромейские философы, которые и нашли объяснение феномену. Называется – «оптическая иллюзия».

Рожи окружающих показывали честные попытки понять – кроме купца, который слушал вежливо и с должным вниманием, но о моем научном авторитете был не в курсе. Ну или просто мракобес, которому ближе и проще приписывать оптические феномены рукам бесов – мне-то что? Мне главное репутацию в глазах Государя нарабатывать, и он мне поверил – «ромейские философы» же.

- Продолжай, Филимон, - закончив, вернул я купцу право голоса.

- Благодарю, боярин. После долгих мучений «оптическими иллюзиями», - показал, что запомнил термин, как бы выразив свое ко мне уважение. – Открывающиеся взгляду зеленые

сады кажутся ложью. Не сразу веришь глазам своим и тогда, когда видишь среди стройных тополей и фруктовых деревьев арыки с журчащей водой. Многочисленные дороги в этом месте всегда полны людей со всего мира. Они стекаются к городу-крепости со стенами из сырцового кирпича. Купола города сияют бирюзой, словно вырезаны из кусков неба. Но все это великолепие существует ради одного – бухарского базара. Это – не простое торжище, это особый, отдельный мир запахов и красок...

Хорошим рассказчиком оказался Филимон, и отпускали из шатра мы его не без сожалений. Большая часть специй уехала в Москву, но некоторое количество приправок оставили на покушать в Центре. Три струга со специями, купленными на мои, убыли в Москву, чтобы продаться подороже на ближайшей ярмарке – в основном уйдут перекупам, которые развезут приправы по городам и весям, в том числе – через Балтику в зарубежные страны, где богатые люди тоже истосковались от скудной вкусовой карты.

Струг с фейерверками было велено разгружать – они нам понадобятся в военных целях и отпраздновать неизбежную победу. Струг с семенами – главный «трофей» Филимона – было велено под усиленной охраной отправить в мою часть Мытищей. Будем сажать и культивировать. Перец, помидоры (их зачем-то считают цветами, и придется провести долгую селекционную работу, чтобы плоды стали побольше и повкуснее), подсолнечник, тыква, укроп, петрушка, кориандр, кукуруза, фасоль и конечно же картошечка.

Удивительный факт: многое из этого прибыло из Америки, но колонисты европейские привезли это все не на родины, а в Китай, чтобы поменять на тамошние промышленно-ремесленные изделия. Многолюдный Китай всегда был рад отыскать новые виды еды, поэтому дары американской природы принял с распростертыми объятиями, размножил как смог и принялся продавать за серебро соседям. По этому поводу я поговорил с Государем:

- Китай сейчас – главный производственный центр мира. Царство китайское – древнее самой Ромеи. Еще той, единой и покорившей все Средиземное море Ромеи. Китайцев много, и само их бытие с младенческого возраста учит их двум главным для Китая вещам: ремеслу и торговле. Второе является следствием первого – китайские товары не первое тысячелетие пользуются славой, и именно ради них существует Великий Шелковый Путь. Сами китайские торговцы, как и другие китайцы, уезжать за пределы своего царства не любят, зато всегда рады продать чего-нибудь гостям. Так-то, полагаю, ездили бы, но сами иностранцы делают это бессмысленным: ежели в какую-то страну веками приходят чужеземцы за тем, что в их родных странах нет, значит все эти страны в глазах китайца волей-неволей примут ореол нищих и варварских.

- В гордыне погрязли китайцы, - догадался Иван Васильевич.

- В гордыне непробиваемой, - улыбнулся я. – Царство свое они называют «Поднебесной», и считают, что оно находится в центре мира. Однажды Господь их за это сурово накажет, но речь сейчас не о том. Товары, которые продает Русь – пенька, воск, деготь, лес и прочее являются «сырьем», сиречь продуктами, которые при добавлении людского труда и ума превращаются в ремесленные или промышленные продукты, али в часть чего-то большего, как пенька, без которой корабля не построишь. Торговля сырьем – это тупик, потому что сырье с Руси нередко оборачивается товарами, которые Руси же закупать и приходится за твердое серебро али обменом на другое сырье. Получается, что разница оседает в карманах потенциальных врагов наших.

- Корабли те же литовцы покупать не станут, им пеньку, бревна да смолу подавай, - с обидой указал на очевидный факт Государь.

- Понимаю сие, Государь, - поклонился я. – Речь моя – не о том, что на Руси предками твоими и тобою порядок неправильный установлен. Она – о желании для Руси лучшей судьбы. Более сытой жизни для людей русских. Казны богаче – для тебя, ибо казна Государева саму державу крепит и облагораживает. Я говорю лишь о своих планах, Государь. Печи, огонь, то

что на стругах Филимоновых – лишь первые шаги на пути долгом. Не быстро, не за неделю и даже не за год, но клянусь я сделать для Руси такие товары, за которые иностранцы будут платить тем, что ты у них попросишь: конями добрыми, серебром, мастерами, пушками ладными, пищалями и всем тем, что сейчас правдами и неправдами втридорога через препоны врагов наших возить приходится. Вторым Китаем Третьему Риму не стать, ибо сам уклад жизни наш, природа наша и людшек число не позволят, но Третий Рим обязательно станет главным центром технологического прогресса. Когда-нибудь я приду к тебе, Государь, и скажу – мы обуздали саму силу молнии без потребности ждать ее удара с небес.

Подумав, Иван Васильевич не стал говорить верит или нет, решив просто дождаться результатов, а пока заметил:

- То Русь, то «мы», то «русские», то «наши». Кем ты считаешь себя, Гелий?
- Русским православным человеком, - без раздумий ответил я.
- Вот и будь им – на то тебе мое Государево дозволение, - улыбнулся Царь.

Еще три струга – потребный мне для экспериментов шелк. К нему бы очень в тему пришелся каучук, но он – единственное, чего Филимон не смог найти в Бухаре. И пяток стругов финальных – фарфор, ковры и прочее добро, которое, как и основной объем специй, проходит по категории «продать с большой наценкой», то есть просто заработать денег.

После того, как я принял работу Филимона, и мы с Государем с ним рассчитались – я заплатил обещанные «комиссионные» плюс премию сверху – купец тут же выразил готовность сгонять до Бухары еще раз, правильно оценив обстановку: Царь здесь окончательно решает вопрос с торговым путем по Волге, а значит в скорости здесь станет сильно спокойнее. Когда «спокойнее», сразу же множатся конкуренты. Милое дело прямо сейчас по Каспию сплавать на Юг, пройти караваном и закупиться снова, вернувшись обратно еще до зимы – опять же, благодаря Каспию.

А уж дарованная «за помощь родичу моему Гелию» грамотка с освобождением Филимона от мыта по всей Руси так и вовсе требует скорейшей реализации! Само собой, я не мог не дать ему еще денег с просьбой закупить того же самого еще разок, в трехкратном размере, и все-таки попытаться найти «желтоватую субстанцию что аки мед тянется, мутна, а пахнет одновременно деревом, гарью да капустою вареной» - то есть каучук. Часть «оборотных средств» предоставили «избранники» во главе с Данилою – тоже не дураки денег заработать, даром что воинская аристократия.

Пробка из стругов в целом собралась внушительная. Я целиком разделял негодование честных русских купцов, которые теряют деньги каждый день простоя. Разделял я и «флеш-моб» потянувшихся ко мне после отхода стругов Филимона купцов с подарками – сам бы на их месте в числе первых попытался «порешать» при помощи уважаемого человека. Подарков не взял, а просто поговорил с Иваном Васильевичем. С высоты своих проблем боль отдельных купцов он попросту не разглядел – не потому что плохой, а потому что какого хрена вмешательство самого главного человека в государстве вообще требуется в такой ситуации?

Организаторы блокады – как водится, служаки среднего ранга, которые от служебного рвения и природного головоуятия решили перебедеть – огребли гнева Государева, лишившись права зваться помещиками и были уволены с казенной службы, а купцы прониклись к хорошему Царю высочайшей благодарностью, о чем, конечно, раструбят всем, кто захочет слушать. Выгодно для политического рейтинга как ни крути время от времени «злых бояр» пороть. Ну и мне по остаточному принципу репутации купеческой обломилось – это помножится на череду уже свершившихся и будущих сделок со мной, и все купцы Руси в какой-то момент увидят во мне защитника их интересов с вполне материальной выгодой для меня. Но и врагов огребу – вот сегодня первый шаг на этом пути и сделал. Невелики сотники в табели о рангах, уровень совсем не мой, но это же только первый шаг – после него и бонусы, и проблемы множатся снежным комом. Того стоит.

Второй день «стояния под Астраханью» в первой своей половине прошел спокойно – не имея иных дел, я смог позволить себе начать экспериментировать со специями. Ноздри мои алчно раздувались от знакомых памяти, но не телу запахов, утомленное нищетой (просто как факт) современной кухни на Руси сердце пело от радости, а руки норовили начать трястись от желания схватиться за все и сразу. Кумин (он де зира), кориандр, шафран, куркума, черный перец, барбарис, имбирь, гвоздика и мускат туманили голову возможностями.

Имея под боком Каспий и Волгу сам Бог велел заняться рыбными блюдами, показав самым искушенным гурманам Руси истинное искусство. Забивать вкус рыбки специями наглухо – путь криворуких кретинов! Настоящий повар всегда и везде использует столько и таких специй, сколько нужно для подчеркивания вкуса ингредиентов!

Тандыр в лагере имелся – токую полезную фигню армия быстро освоила – и я воспользовался им для запекания золотых карасиков, в обилии водящихся в заросших протоках и каналах низовья Волги. Водившихся – «стояние» изрядно подкосило биологические ресурсы окрестностей, но пока хватает, а восстановится это все за три-четыре года. Не хватает здесь людей, чтобы природу убить насовсем.

Карасики – это основа, но суть не в них, а в маринаде на базе сметаны с кориандром, перчиком и солью. Сметана запекается в ароматную, хрустящую корочку, хранящую в себе сочную речную мякоть. Подается прямо с тандыра на стол, так сказать – с дымком!

За обеденный шоу-момент (тоже своего рода приправа!) отвечает запеченная в «соляном панцире» с яичным белком, зирой и укропом. «Панцирь» запекается до состояния монолита, который надлежит красиво разбить на глазах у будущих едоков. Гарнир – сдобренная оливковым маслом (наконец-то дорвался до него) и кориандром томленая репа.

Последнее, но не в последнюю очередь – каспийский лосось с шафраном. Куски требуется быстро обжарить до корочки, а потом дотомить в соусе в том же тандыре – нормальной печки построить никому в лагере и в голову не пришло. Соус на основе жирных сливок с добавлением мускатного ореха, перца и толики шафрана. В процессе соус приобретает бледно-золотой цвет. Гарнир к лососю – обыкновенная перловка с маслом.

Отдельно я приготовил соусы. Первый – «зеленый», из кинзы, укропа, зеленого лука, оливкового масла и капельки винного уксуса. Освежает не хуже холодненького огурчика в жаркий день! Второй соус – «золотой», из топленого сливочного масла с куркумой и зирой. Идеально сочетается почти с любой рыбой. Соусы на стол подаются в маленьких пиалках, кои ставятся перед каждым едоком, как бы приглашая его самому довести предложенные блюда до желаемого идеала.

Все меню целиком я назвал «Волга и Каспий встречают Великий Шелковый путь», что было очень хорошо воспринято Царем и «избранниками» - вчерашние рассказы Государя и купца живы в памяти, и географическая наша близость (мнимая, тут сотни и сотни верст!) к таким эпичным штукам способствовала нужному расположению духа.

Спустя три послеобеденных часа, проведенных за неспешными беседами в Центре, Государь отправил главу Посольского приказа на переговоры с городом. Список требований очень длинный, включает в себя подавляющую часть мыта, кою надлежит впредь отправлять в казну, огромный список видных людей, которые добровольно или под принуждением (мир жесток) помогали Девлет Гирею организовывать и спонсировать поход по мою душу для суда и исполнский единоразовый платеж Государю за то, что он был вынужден беспокоить себя и войска приходом сюда.

Документ оформлен закачаешься – в нем очень подробно прописаны приемлемые способы выплаты «контрибуций», расписаны таможенные тарифы нынешние и будущие (будущие чуть меньше, Царю нужна любовь торгового люда в этих краях – по крайней мере так я ему сказал, после чего тарифы и было решено пересмотреть), оформлены гарантии собственности для не включенных в список преступников людей и многое, многое другое. Государственная

возня уже в эти времена бюрократизирована донельзя – тяжело людям друг с дружкой работать, приходится каждый чих прописывать в документах.

Времени подумать Государь дал Астрахани совсем немного – до темноты. Разумеется, предложение принято не было, и ровно в полночь было решено начать то, что у меня язык не повернется назвать «штурмом».

Глава 6

Небо в этих краях прекрасно. Я вижу в этом одновременно величайшую несправедливость – севернее и небо не настолько усыпано яркими звездами, и холодно – но и дарованную Господом возможность тренировать смирение. Кроме того – любить великолепную климатом и лишенную изъянов Родину (таких нет, кстати) легко, а ты попробуй полюбить заснеженные пустоши! Вот где проходит грань между настоящим человеком и тем, кто живет по принципу «Родина там, где жопа в тепле». Может и хорошо, что мама меня в свое время увезла – нужно было пожить на чужбине, чтобы вернуться и понять, насколько дома хорошо.

На фоне усыпанного далекими светилами неба наши «фонарики» были почти невидимы. Восемь штук запустили, в полном соответствии с ультиматумом Государя, который так и прописал в переданных астраханцам бумагах – «город будет подвергнут сожжению». Глядя на неспешный путь начиненных горячей смертью фонариков, я изо всех сил старался прогнать очевидную мысль: «там, за высокими стенами, сотни женщин, стариков и детей». Гордыня сие – даже без огня моего на Астрахань пришло бы русское воинство, и только очевидцы, показания которых в истории не сохранились, знали, какими потерями среди нон-комбатантов обернулась эта операция.

Был такой Оппенгеймер, куратор изобретения атомной бомбы. В интервью так о себе говорил – «я стал смертью. Разрушителем миров». Не видел погрязший в гордыне и покаянии им продиктованном очевидного: ядерное оружие на долгие десятки лет прекратило в Европе большие войны. Разве не стоило оно того? По-моему стоило, при всей очевидной глупости ученых, которые вручили страшнейшее оружие в руки начальникам центра мирового империализма, надеясь, что его не захотят применить.

Лично я надеюсь, что жертвы здесь принесенные послужат делу скорейшего укрепления Руси и снижению желания воевать с ней у соседей. Для меня жизни соотечественников всегда были ценнее жизни чужаков, и вот об этом я и собираюсь думать как можно чаще. Цель оправдывает средства не всегда, но за своих я знаю: лишнего не хотели никогда. Сейчас здесь торговый коридор, затем – у Черного моря, на Севере – Рига, и на ближайшие десятилетия сего хватит. Клянусь все свои риторические и практические таланты применить, чтобы убедить Государя не тонуть в великодержавных амбициях, отправившись покорять Европу. Не может себе этого позволить Русь, даже с огнем греческим, великой бедой для нее обернутся попытки проглотить больше, чем она способна переварить.

Увидеть реакцию защитников стен на фонарики из-за расстояния я не смог, но, судя по тому, что светлые пятнышки благополучно стену миновали и поплыли вглубь города, попыток сбить средство доставки огненной смерти предпринято не было. Параллельно размышлениям и просмотру пути фонариков, я не переставал отсчитывать секунды. «Таймер» у нас примерно на четыре минуты, и три с половиной уже истекли. Сейчас, сейчас...

Первая вспышка случилась на двести тридцать второй секунде, через метра три после стены. Огненный всполох в небе разделился на мириады огненных капель, которые попадали вниз, оставляя за собой огненный шлейф. Если абстрагироваться от того, что все это летит на людей и плоды их труда, зрелище очень красивое.

Вторая вспышка – левее метрах в пятнадцати, на двести сорок седьмой секунде, а я попытался абстрагироваться иначе: через ощущение, прости-Господи, хорошо проделанной работы: учитывая уровень доступных мне технологий, прикидку расстояния «на выпуклый глаз» (сие выражение нынче у всех мастеровых Руси в большом почете, снова я обогатил родной язык его же наработками из будущего) и не самую надежную и прогнозируемую движущую силу в виде ветра, расчеты можно счесть идеальными.

- Гладко сосчитали, Гелий Далматович, - шепнул мне подумавший о том же самом алхимик Иван.

- Гладко, - согласился я.

Так же, шепотом, словно боясь нарушить нависшую над замороженно глядящим на применение нового средства массового поражения русским войском. Молчат мужики, многие крестьяне – знают, что нет большей беды для поселения этих времен, чем пожар. Молчали и мы, «жители» Центра, ныне расположенные на сформированной воинами пустой площадке в форме неправильного круга. Покосившись на вглядывающегося вдаль Ивана Васильевича, я ощутил неприятные мурашки вдоль позвоночника: скорее всего эти пляшущие в темных глазах отражения далеких огненных вспышек инфернальными мне лишь показались.

- Великая сила, - замороженно прошептал князь Курбский.

- Древняя сила теперь в руках Государя, - очень громким, таким, какой невозможно не услышать, шепотом заметил Алексей Федорович Адашев.

Постельничий Государя и глава Челобитного приказа отличается повышенной тягой к подхалимажу.

Фонарики тем временем начали вспыхивать один за другим, обрушивая на город свое содержимое. Тишина в русских рядах и промежутки в давненько уже бьющих набатах Астрахани позволили услышать обрывки неумолимо начинающейся вместе с пожаром паники за стенами – крики, звуки ударов железа о железо, а видимые в свете факелов защитники стен частью попросту свалили, то ли получив приказ, то ли поняв, что семьи и имущество «в тылу» нифига не в безопасности. Служебные разбирательства из-за покидания постов где-то там, в кажущемся далеким сейчас будущем, а колоссальная проблема – вот она, перед носом, и даже со стен можно почувствовать ее жар.

Над Астраханью поднималось зарево, звезды на небе скрыли многочисленные дымы. Кувшинчик – как мера, фонарик кувшина не поднимет – горючей смеси, которую невозможно потушить, упавший на деревянный в массе своей, избыточный крытыми соломой и сухой дратвой крышами, даже в единичном экземпляре может наделать дел, а чего говорить о восьми, покрывших пламенем большой кусок территории, оканчивающейся где-то близко к центру?

- Готовы, Гелий Далматович! – раздался позади меня отчет командира ответственных за «зарядку фонариков» мужиков.

- Ветер сменился, - указал я на столб дыма, наклонившийся в нашу сторону. – Ждем покуда.

Рабочий диалог велся в полный голос и послужил стартовым пистолетом, разнесясь на десятки метров вокруг и выдернув мужиков из транса. Я жадно прислушивался к поднявшемуся гомону, стараясь вычленив отношение русичей к происходящему:

- Помилуй, Господи!..

- А ежели бы по нам – так?..

- Суровая кара...

- Кара небесная!

- Наваждение...

- Сила нечистая...

- С чего нечистая? Государева, сиречь – наша!

Как всегда, как везде – кто-то рад, кто-то напуган, кто-то проецирует опыт на собственный городок, кто-то упирает на политико-идеологическую компоненту. Как бы горя от особо сердобольных не привалило – прирежут к чертовой бабушке, посчитав орудием Антихриста, а то и им самим. Велю охране удвоить бдительность и состав на ближайшие ночи. Думать о своей шкуре даже сейчас совершенно нормально – я не наивный дитя, все последствия своих действий осознаю, но считаю их полезными для Руси. Более того – необходимыми. Вокруг – десятки тысяч русских (по подданству, «многонационал» наш уже в этом времени присут-

ствует, в войске много смуглых и раскосых лиц) людей, которые в иной ситуации пришлось бы бросать на штурм. Пушки царицы наделали бы дыр в стенах, снесли ворота, заодно собрав жатву среди защитников, но все равно грандиозные потери неизбежны. А так – все эти люди (за исключением «санитарных» и тех, кого угораздит погибнуть от выживших после пожара астраханцев, когда придется заходить в город) вернутся домой с прибытком, наделают детишек, чутка повлияют на экономику региона через трату жалования и трофеи. Одни плюсы для Родины и совсем чуть-чуть по глобально-историческим меркам сгоревших заживо детей на другой чаше весов...

Рассуждаю как самый настоящий фашист - средневековые профессиональные головорезы рядом со мной и не стояли.

- Бойтесь данайцев дары приносящих! - издевательски провозгласил Девлет Гирей, и я невольно вздрогнул.

Астрахань догорела через пару часов после рассвета. Если бы у меня была возможность посмотреть на город с высоты, уверен, я бы увидел огромное черное пятно там, где раньше был центр города и примыкающий к пятну «луч», берущий начало у стен в нашем направлении. Жители города идеологическими иллюзиями не страдали, и, поняв, к чему все идет, огромной массой ломанулись сдаваться, снеся ворота города и в руках да на спинах, помимо детей, вынося ценности, которые вручали русской армии, как бы выкупая право сохранить жизнь и не забывая на чем свет стоит костерить лучших людей города, которым «злато степное дороже Веры Истинной». Уверен, среди произносящих такие речи было немало мусульман да язычников, но после такой демонстрации силы ничего зазорного в том, чтобы духовно прозреть в правильную сторону, нет.

Не все из города вышли – тем, кто в списках Государевых лиходеями значился, спасения за стенами нет, поэтому они с лично преданными людьми остались в городе. Имелась и третья категория астраханцев – жители не тронутых огнем районов, которые всю ночь поливали водой и обсыпали землей свое имущество, не давая огню перекинуться. Получилось у многих – тот огонь, что составом моим не питается, от любого другого стандартного огня ведь не отличается.

- Великое зло принес ты в наш мир, - давил на больное Девлет Гирей. – Оружие не Всевышнего, но Даджаля! Строишь? Ты смотри, да главное подметь – не война сие, а кормление джиннов!

Я бы вообще с ханом не общался, и без него очень на душе муторно, но остальные, включая Государя, смотрят и не влезают, предоставив мне право разобраться самому. О чем думает Иван Васильевич по царскому «покерфейсу» не понять, а рожи других «центровых» однозначны: оценивают пою реакцию, этакое испытание грека, который в целом-то человек избыточно по этим временам гуманный.

- Богатый был город. Людишек много в нем жило: мастеровые, торговцы, мытари... - перечислил хан. – Не сталью честной, жизни на жизни меняя, Астрахань покоряется, а Даджалевым подарком. Помню слова твои, де великие блага для Руси несешь ты в себе, и паче патоки мира желаешь. Не мир несешь ты, но опустошение.

- Не тебе говорить об «опустошении», кочевник, - ответил я. – Само бытие твое только смерть, боль, сломанные судьбы да вытопанные луга миру земному несет. Огонь мой – не Антихристово орудие, а доказательство того, что образ жизни твой, кочевой, последние деньки доживает. Дикарь с острой железкой к созидательному труду не способен, ибо считает его греховным и неправильным. Степь уже проиграла, ибо только жизнь оседлая способна принести людям то, что я зову «прогрессом». Степь грабежом и полоном живет, и в этом великая ее беда. Мы же, люди оседлые, в будущее идем и за собою ведем тех из вас, кто поумнее. Грабить и полоном торговать много ума не надо, но и выгода от этого невелика – все по карманам расходуется, тратится на лошадок да оружие с арматурой. Плохонькие, потому что ты вот, к при-

меру, своих людишек как липку обирал. Получается замкнутый круг – пограбили, потратили прибитки на новые средства для грабежей, пошли грабить снова. Нет развития. Оседлый же способ жизни позволяет медленно, но верно преумножать благосостояние. Уже сейчас каждое новое поколение живет чуть лучше прежнего. Пройдут века, и эти «чуть лучше» сложатся в такую разницу, что потомки наши даже представить себе не смогут той скудной жизни, кою ведем мы. Подобие ванны Государевой, например, в каждом доме стоять будет, и нагреваться не дровами, а по трубам идущей горячей водою, берущей начало из огромного здания с могучими котлами.

Купаются Иван Васильевич и другие центровые каждый день, только ванны и кадки у нас скромнее Государевой, золотой ванны. Тяжелая, блин, четверкой лошадей телегу с нею тянуть приходится.

- Оседлый человек возделывает землю, растит урожай, и когда много таких, еды они выращивают больше, чем потребно самим. Едою этой можно доброе войско кормить, а еще – людишек мастеровых, торговых да ученых. Последние свободное от выращивания еды время направляют на производство ремесленных товаров, торговые караваны и изучение правил Господом нашим для мира земного установленных. По образу и подобию Он сотворил нас, да образок сей и толикой величия Божественного не обладает. Аки черви в земле копошимся, хлеб трудом добывая. Путь перед нами, всеми людьми веры истинной, великий, но с каждым понятием Божиим законом становится он легче, и шаги дальнейшие становятся шире. Я шагаю широко, и Русь за собою в светлое будущее, к совершенству и вящему пониманию законов Божьих веду. А ты, степняк, людишек своих привел под монастырь и положил в землю без всякого толку.

- За свое перед Всевышним отведу, а воины мои уже с гуриями в Садах Его отдыхают, - фыркнул не впечатлившийся Девлет Гирей.

- В аду горят, ибо Веры Истинной не приняли, а напротив – носителей ее убивали да в полон гнали, - поправил я. – Молчал бы ты уже, дурачок. Армия твоя погибла, земли твои под Русь уходят, сам ты в плену, одной лишь Государевой добротой жив. Какие тебе еще доказательства силы Веры Истинной нужны?

- Так дурачок я, - хохотнул хан. – Жалок и слаб, вот и отвернулся от меня Всевышний. Сейчас Русь сильна, но слабее Империи Оттоманской. Повезло вам: горы, моря да пустыни от могущественнейших оплотов Веры во Всемилостивого Аллаха вас оберегают, но сие лишь сейчас. Наша вера моложе вашей, из сказок яхудских вышедшей. Чище она и правильнее. Православные перед молитвою ног не моют, соломою нечистоты по себе размазывают...

- Размазывают осколки твоего ханства, - хохотнул я. – Ты – глуп, Девлет. Не видишь, куда сама История ведет. Христиане, даром что многие из них от Истинной Веры в гордыне своей да алчности отвернулись, по всему миру расползлись, все лучшее отовсюду себе привезли и на службу поставили. Сколько пушек у Орды Крымской? Сколько денег? Сколько добро снаряженных воинов?

- Великое множество! – надменно заявил хан.

- А вот мы проверим, - неожиданно влез в разговор Иван Васильевич. – Открыта дорога туда. Иной возможности кочевья пожечь и спокойствие людишкам нашим в тех краях даровать может и не быть. Сегодня да завтра с Астраханью разберемся, а опосля дальше пойдем. Огня у нас на все кочевья хватит. А ты, Девлетка, сие глазами своими увидишь – авось и поймешь, насколько гордыня тебе глаза застила.

Твою мать! А я в родные Мытищи хотя бы до зимы вернуться-то успею? Кто меня вообще за язык тянул? «Только силу степняки понимают, против них только геноцид поможет...». Тьфу, аналитик-политолог-социолог хренов! Позабыл принцип главный – «инициатива имеет инициатора». Не удивительно, впрочем, я же в армии не служил.

Поварами, готовящими обед, мне рулить из-за тяжести на душе и мук совести не хотелось, а заставлять меня Государь не стал. Аппетит, как ни странно, не пострадал, и рыбку, к которой криворукие повара навалили специй до полного отбития вкуса мяса с пшенной кашкой уминал не хуже других. Совестью и за это, но как поможет моя голодовка? Исторические процессы идут и будут идти своим чередом, отдельный человек для них вообще не важен, и я лишь ускорил события. Крым бы все одно был покорен, но при Екатерине. Степь все равно бы была вынуждена зажить оседлой жизнью, но уже в Новейшее время. Какая разница? На долгой дистанции миллионы и миллиарды стариков, женщин и детей все одно погибнут, так может лучше сразу сорвать с раны прилипшую повязку, а не мучаться веками?

Совсем не утешает.

Глава 7

- «Господину моему, боярину Гелию Далматовичу Палеологу Клим, ключник твой, челом бьет», - так начиналось полученное мной на третий день «стояния у Астрахани» письмо, прибывшее в числе прочих на струге. Основная почта – Государю и «избранникам», помесь из личной переписки с родней и друзьями и новостях из государственного аппарата. Второго – больше.

Читаю вслух, чтобы батюшка Силуан, Дмитрий, Иван и другие мои люди тоже послушали. Секретов здесь нет, а новости о доме слушать всегда интересно, даром что дом этот только предстоит построить и обжить.

Лично мне, помимо Клим, письма прислали супруга, архитектор Сергей Петрович, глава оставшихся охранять поместье дружинников и оба «мои» старосты. Отдельного упоминания заслуживает письмо от игумена Алексея – мы с батюшкой состоим в активной переписке. По хорошему в первую очередь нужно прочесть письмо от Софии, но я деформирован жаждой производственно-экономических свершений, будущий центр которых сейчас и строится.

«Поклон до земли и молитва о здравии твоём в делах ратных. Пишу тебе, дабы не был в неведении о делах в вотчине твоей новой. По благословию Божьему да наказу твоему, дело начали. Живем покуда станом на высоком мысу, в шалашах да землянках. Как и было тобою велено, добротные, пригодные зиму переждать, дома общие, терем твой да избы для рабов твоих особо преданных в первую голову строим. Покуда доберется до тебя письмо сие, первые два общих дома да этаж нижний в тереме твоём уж готовы будут. Жители деревень работают добро, помощь их делам способствует. Помимо домов, взялись мы и за плотину для будущего колеса. Два первых сруба листовничных уж на дне, камнями укреплены. Бревна для колеса натесаны, ныне сушатся. К исходу Липня (июля то есть) запруду замкнуть надеемся».

Работают согласно плана, без самодеятельности – так, как мы успешно работали и ранее. Не всегда самодеятельность нужна, и я уверен, что в случае нужды Клим и другие мои близники проявить ее не постесняются. Надеюсь, не придется – во вред как правило отступления от планов идут.

«По всем окрестным лесам ныне рубка с корчеванием от рассвета до ночи поздней. Деревья получше на стройку идут, похуже на дрова, уголь да иные нужды. Полей поместью, как ты знаешь, потребно много, но с Божьей помощью к весне грядущей немало землицы от леса очистим. Сильно не хватает колеса водяного, без силы его бревна на доски распускать тяжко и долго».

Ничего, когда колесо появится, производственные мощности резко возрастут.

«Через седмицу опосля отъезда твоего прибыла к нам артель из десяти человек. Подумали, мол, что поместью нашему торговый путь, что под боком, на пользу пустить нужно. Сами эти мастеровые – корабель, и я счел сие удачей. Первый струг уж собрали, и сразу же получилось продать его купцам с большим прибытком. Как и велел ты, люд мастеровой жалованием мы не обижаем. Теперича другие струги сбивают они, а я прошу твоего благословения струги сии не продавать, а сдавать в наем, дабы грузы люд торговый перевозил – так оно для нас выгоднее будет, ежели как ты, Гелий Далматович, думать: не менее, чем на двадцать лет».

Дам благословение – сам планировал в логистический бизнес забираться, но пока времени на это не было. Хороши артельщики, не поленились сутки на путь потратить, теперь при деле будут долгие годы. Здесь опять же в лесопилку «водную» упираемся: доски нужны в большом количестве.

«Велика нужда в силе водяной», - размышлял в ту же сторону Клим. – «Но тем больше колесу радоваться станем, когда заработает оно. Горевать более в письме сем не стану, лучше порадовать тебя, Гелий Далматович, вестями благими. Дорога в Москву, ранее кривая, битая

да промеж деревьев ужом выющаяся, в доброе состояние приведена. Просеку прочистили, гать настелили через болотцу, ныне мост строим, что многие версты пути сократит. Люд торговый ныне к нам по дороге сей хаживает, и за гать нашу, что тож версты и версты ненужные сокращает, мыто платит исправно. Как и велел ты, Гелий Далматович, деньги взимаем невеликие, дабы особо жадных купцов не пужать».

Торговлишка это всегда хорошо, а пошлину мы взимаем в таком размере, в каком нужно отправлять их в казну, без прибытка для себя: маленькие «пошлины» экономической активности способствуют, а гати и мосты лично я вообще считаю инфраструктурой, которую я, как хозяин этих земель, людям должен в обмен на налоги и верность предоставлять в полной мере. Налог с вотчины, однако, платить должен, и из своего кармана это делать не намерен, вот и взимаем плату за проезд небольшую.

В целом налоговая система на Руси этих времен на мой взгляд организована толково. Основной налог – «тягло». Его я не плачу, но собранное с крестьян обязан передавать в казну. Размер налога считается с «сохи» - с куска земли, учитывается его качество, размер и число работников.

Мой прямой и основной налог – военная служба. «Конно, людно и оружно» по первому зову являться обязан – не только за компанию и ради контроля над огнем меня Государь с собой взял, но и по закону так положено. Стандартом считается выставлять примерно с пятидесяти гектаров одного полноценного и снаряженного воина, которому положены боевые холопы.

Налог третий – «ямская повинность». Почтовые станции для связи и транспорта я организовывать не обязан, на это есть специальные люди, но с крестьян «ямские деньги» взимаю тоже я. Налог четвертый – тоже «натурный», называется «городовое дело» или «строительная повинность». Те самые мосты, гати, а при отдельном призыве я должен предоставить работников для возведения других инфраструктурных проектов – в том числе крепостей. Опция «откупиться деньгами» здесь предусмотрена.

Налог пятый – «пищальные» или «стрелецкие» деньги, то есть сборы на содержание стрелецкого войска. Тоже взимается с крестьян. Такая вот грустная правда жизни во все времена – большие деньги приближают к власти, позволяют лоббировать свои интересы, и стремление платить больше налогов в них конечно же не входит: народные массы заплатят за все.

Далее – пошлины. «Мыт» - за взвешивание товаров. «Мостовщина» - за проезд по мостам и «гостиное» - за пользование торговыми рядами. Отдельного упоминания стоят «полонянничные» деньги – люди принудительно скидываются на выкуп своих из плена. В основном под это дело проводятся специальные кампании, но регулярные небольшие сборы тоже имеются.

Старенькая система «кормлений» доживает последние дни: «избранники» и Государь в следующем году заменят ее «денежным окупом». Владельцы земель тебе будут платить больше, и уже из собственного кармана. Жаба привычно душит, но я вижу в этом социальную справедливость – обируют русского крестьянина как липку, а самые состоятельные люди страны налоги платят в основном торговые и воинские.

«Как ты и велел, странников да переселенцев мы привечаем. Тем, кто с землицы кормиться желает, наделы в аренду сдаем да разрешение на рубку леса на строительство дома даем. Уже четыре десятка дворов новых строятся, большими крепкими семьями».

Бегут крестьяне от хозяев нерадивых или с земли скудной. Человек с одной стороны к месту обитания привыкает, особенно если поколениями там жил, а с другой ищет где лучше. Желаящие поменять свою жизнь к лучшему пассионарии нам нужны, потому что легкий на подъем и способный ко взвешенным рискам во имя перспективы человек как правило приносит больше прибыли.

- Церквушку бы, - скромно вздохнул Силуан.

Духовник мой регулярно напоминает об этом.

- Помню, батюшка, - смиренно повторил я то же, что и всегда. – Прости-Господи, но в церквушку зимовать все не поместятся. Молитва – дело важнейшее, да только кто молиться да в храм ходить станет, ежели все замерзнут да перемерут?

- Велика забота твоя о жизни земной твоей да людишек твоих, - улыбкой показал, что все понимает Силуан. – И знаю – помнишь о церкви, ибо и о душе не забываешь.

Резко выросший статус Силуана демонстрируется не только расправленными плечами, метафорической крепостью стояния на земле и – чего уж – тщеславии, которая заставляет бывшего посадского попа смотреть на окружающих свысока и со снисходительностью, но и в одежде. «Дизайн» тот же, церковный, со всеми потребными атрибутами, но качество пошива и материалы совсем другого уровня.

Подрясник из тонкой, темно-серой шелковой ткани. Подол и рукава оторочены тонкой полосой вишневого цвета бархата. Веревку на поясе сменил узкий черный кожаный ремень со скромной, медной пряжкой. Ряса (в данный момент не надета потому что жарко) пошита из плотной, но мягкой шерстяной ткани с шелковой нитью. Немного поблескивает на свету, и поблескивает дорого. Скуфья на голове Силуана фиолетовая, из бархата – она основной атрибут для демонстрации высокого положения. На ногах – простые, но предельно качественные сапоги из черного сафьяна.

Крест на груди батюшки медный, литой, с чернением. Старинный, Византийской работы – подарок самого Митрополита, которым мы все очень гордимся. Руки батюшки как правило заняты четками-лестовками из плотной кожи, которые помогают ему отсчитывать безмолвные молитвы. Ну или просто нравится ему четки перебирать. За поясом – складной псалтырь в кожаном переплете с медными застежками. Наряд в целом, даром что стоит очень дорого, призван передавать не столько богатство, сколько доверие к носителю от высокорангового боярина. Силуан – такая живая связь между мной и Господом, и выглядеть должен соответствующе. Наряд его – не подарок мой, а знак моего уважения.

- Вот бы сейчас в поместье оказаться! – мечтательно потянулся «алхимик»-Иван. – Столько работы, столько чудесных открытий, а здесь лишь пыль дорожная, жара да безделие.

- Мирный ты человек, Иван, - не обиделся глава дружины-Дмитрий. – Не понять тебе радости от побед славных да дорог боевых. Погляди вокруг, - окинул рукой наш исполинский лагерь, где тысячи людей готовили пищу, чинили снарягу, общались, молились и в целом – жили. – Столько людей, и все одним-единственным делом заняты, друг дружке спины прикрывают, и повязаны войною накрепко да на веки вечные. Что сие, ежели не соборность?

Силуан наострил ушки, но в разговор не полез. Не стану влезать и я – интересно.

- Соборность? – хмыкнул Иван. – Соборность – это когда всем миром строят, а не рушат. Когда за одним столом сидят, хлеб преломляют. От страха твоя «соборность» родилась, Дмитрий, а истинная – от любви да дела общего, созидательного.

Очень интеллигентный человек мой алхимик, такие любят как бы парить над окружающими в метафорическом белом пальто и осуждать. Ничего, потом политинформацией займусь.

- А по-моему, Иван, ты путаешь, - устроился на скамейке поудобнее Дмитрий. – Дома с печами вашими с боярином, светёлки с колбами твоими да прочее стоит лишь потому, что есть мы – воины. Сие, - он вновь обвел рукой лагерь. – Соборность меча. Ты в своей светелке с колбами один возишься, а здесь я и все мы – часть целого. Знаю, что даже ты меня в бою не оставишь, а я не оставляю тебя. И Гелий Далматович сие знает, и Государь наш. Все мы словно один человек. Могучий, аки богатырь былинный. И от этого на душе не страх, а силища такая, что горы свернуть можно.

Воин не всегда синоним профессионально деформированного рубаки. Я бы даже сказал, «деформированные» в меньшинстве – волей-неволей наберешься мыслей чужих да своих когда большую часть жизни в походах проводишь, сиречь – общаешься с коллегами, многие из которых вполне образованные выходцы из хороших семей.

- Силища-то есть, - не сдался алхимик. – Да только слишком велика она, махнет твой богатырь ручищей, один только пепел и останется. А моя сила, даром что одиночная, хлебу помогает расти, металл плавит, боль лечит.

«Одиночная» здесь чисто в сравнении с колоссальным числом людей вокруг, так-то коллективом трудимся, но частенько Иван и другие ученые и по одиночке чего-то экспериментируют.

- Гладко говоришь, Иван, да только кто тебе позволит в мире созидать? Степняки тамошние? – указал на юго-запад и рубанул рукой воздух, придав весомости своему же ответу. – Нет! Только меч да соборность его даруют тебе возможность с тиглями да реторками упражняться. Ты, Иван, словно кирпич в дом за стенами кладешь, а дело воинское – самая стена и есть. Не будет соборности воинской – все рассыплется.

- Не откажешь словам твоим в правоте, Дмитрий, - признал очевидное алхимик. – Да только пол под ногами в светлице моей милее мне этой великой стены, - повторил жест дружинника, обведя рукой лагерь. – Из жизней людских. Воинское дело – необходимость. Мое – предназначение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.